

Осип Мандельштам

Камень. Tristia

Сборники стихов

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Осип Мандельштам

Камень. Tristia: Сборники стихов / Осип Мандельштам – М.: Книга по Требованию, 2011. – 45 с.

ISBN 978-5-4241-0640-8

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданиям 1913 г. (Санкт-Петербург, АКМЭ) и 1922 г. (Петербург-Берлин)

ISBN 978-5-4241-0640-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И надъ лѣсомъ вечерѣющимъ
Встала мѣдная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911

* * *

Отчего душа такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ — только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумитъ бумажной листвою
И совѣмъ не вернется — или
Онъ вернется — совѣмъ другой...

О, широкій вѣтеръ Орфея,
Ты уйдешь въ морскіе края —
И, не созданный міръ лелѣя,
Я забуду ненужное «я».

Я блуждалъ въ игрушечной чашѣ
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И дѣйствительно смерть придетъ?

1911

* * *

Быть можетъ, я тебѣ не нуженъ,
Ночь; изъ пучины міровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пѣнишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оцѣнишь
Ненужной раковины ложъ.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Одѣнешь ризою своей,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколъ зыбей;

И хрупкой раковины стѣны, —
Какъ нежилого сердца домъ, —
Наполнишь шепотами пѣны,
Туманомъ, вѣтромъ и дождемъ...

1911

* * *

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Сѣтъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрюю,
Въ сердце медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоитъ осиротѣлая
И нѣмая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина...

Утро, нѣжностью бездонное,
Полу-явь и полу-сонъ —
Забытые неутоленные —
Думъ туманный перезвонъ...

1911

* * *

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!», сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди...
Впередъ густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

1912

Змѣй

Осенній сумракъ — ржавое желѣзо
Скрипитъ, поетъ и разъядаетъ плоть;
Что весь соблазнъ и все богатства Креза
Предъ лезвиемъ твоей тоски, Господь!

Я какъ змѣей танцующей измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучить
И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣтъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаній,
И кубокъ мой тяжелъ и неглубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ
Больной удавъ, свиваясь и клубясь;
Качается и тѣло онояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И бесполезно наканунѣ казни,
Видѣниемъ и пѣньемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ безъ боязни,
Желѣза визгъ и вѣтра темный стонъ!

1910

* * *

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спитъ,
И сумрачныхъ скалъ сѣнь —
Мрачнѣй гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрѣлъ звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клѣтъ,
И яростный гимнъ грянь —
Бунтующихъ тайнъ мѣдь!

О, маятникъ душъ строгъ —
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучитъ рокъ
Въ запретную дверь къ намъ...

1911

Пѣшеходъ

Я чувствую непобѣдимый страхъ
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ,
Я ласточкой доволенъ въ небесахъ,
И колокольни я люблю полеть!

И, кажется, старинный пѣшеходъ,
Надъ пропастью, на гнувшихся мосткахъ,
Я слушаю — какъ снѣжный комъ растеть
И вѣчность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцветшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поетъ;

Дѣйствительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа — въ колоколахъ —
Но музыка отъ бездны не спасетъ!

1912

* * *

Нѣтъ, не луна, а свѣтлый циферблатъ
Сіяетъ мнѣ, и чѣмъ я виновать,
Что слабыхъ звѣздъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часть, его спросили здѣсь —
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ: вѣчность!

1912

* * *

Я ненавижу свѣтъ
Однообразныхъ звѣздъ.
Здравствуй, мой давній бредъ, —
Башни стрѣльчатой ростъ!

Кружевомъ камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будетъ и мой чередъ —
Чую размахъ крыла.

Такъ — но куда уйдесть
Мысли живой стрѣла?

Или свой путь и срокъ
Я, исчерпавъ, вернусь:
Тамъ — я любить не могъ,
Здѣсь — я любить боюсь...

1912

Казино

Я не поклонникъ радости предвзятой,
Подчасъ природа сѣрое пятно, —
Мигъ въ опьянении легкомъ суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играетъ вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталѣ вино —
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

1912

Царское Село

Георгію Иванову

Поѣдемъ въ Царское Село!
Свободны, вѣтренны и пьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крѣпкое сѣдло...
Поѣдемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ — ключья ваты,
И грянуть «здравія» раскаты
На крикъ — «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Гдѣ одnodумы-генералы
Свой коротаютъ вѣкъ усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свистѣ паровоза... ѣдетъ князь.
Въ стеклянномъ павильонѣ свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходить офицеръ, кичась:
Не сомнѣваюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мощами фрейлины сѣдой,
Что возвращается домой...

Золотой

Цѣлый день сырой осенній воздухъ
Я вдыхалъ въ смятенѣ и тоскѣ;
Я хочу поужинать, — и звѣзды
Золотыя въ темномъ кошелькѣ!

И дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленькій подвалъ;
Я нигдѣ такого ресторана
И такого сброда не видалъ!

Мелкіе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человѣкъ — и всѣ они пьяны.

Будьте такъ любезны, размѣняйте,
Убѣдительно его прошу —
Только мнѣ бумажекъ не давайте, —
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мнѣ дѣлать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имѣю право —
Размѣняйте мнѣ мой золотой!

1912

Старикъ

Уже свѣтло, поетъ сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлена, —
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или дѣтскій
Зеленый огонекъ;
На шею нацѣпилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповѣдаться хочетъ —
Но согрѣшить сперва.

Разочарованный рабочій
Иль огорченный мотъ —
А глазъ, подбитый въ нѣдрахъ ночи,
Какъ радуга цвѣтетъ.

Такъ, соблюдая день субботній,
Плетется онъ — когда
Глядитъ изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома — руганью крылатой,
Отъ ярости блѣдна, —
Встрѣчаетъ пьянаго Сократа
Суровая жена!

1913

Петербургскія строфы

Н. Гумилеву

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна — какъ броненосецъ въ докъ —
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой — посольства подуміра,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власяница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — валь сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія пощщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродягъ мужики.

Летить въ туманъ моторовъ вереница;
Самолубивый, скромный пѣшеходъ —
Чудакъ Евгений — бѣдности стыдится,
Бензинъ дышаетъ и судьбу клянеть!

1913

* * *

Въ душномъ барѣ иностранецъ,
Я нерѣдко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлегъ.

Кто, скажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутить,
Если явь — Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранить?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣлъ пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы —
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

1913

Лютеранингъ

Я на прогулкѣ похороны встрѣтилъ
Близъ протестантской кирки, въ воскресенье.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волненье.

Чужая рѣчь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забила, лицемѣрка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучеръ правилъ вдаль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранингъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Былъ взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витѣйствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1912

Айя-Софія

1

Айя-Софія — здѣсь остановиться
Судилъ Господь народамъ и царямъ!
Вѣдь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на цѣпи подвѣшенъ къ небесамъ.

2

И вѣмъ примѣръ — года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила Эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

Куда-жъ стремился твой строитель щедрый,
 Когда, душой и помысломъ высокъ,
 Расположилъ апсиды и экседры,
 Имъ указавъ на западъ и востокъ?

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ міръ,
 И сорокъ оконъ — свѣта торжество;
 На парусахъ подъ куполомъ четыре
 Архангела прекраснѣ всего.

И мудрое сферическое зданье
 Народы и вѣка переживетъ,
 И серафимовъ гульное рыданье
 Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

1912

Notre Dame

Гдѣ римскій судія судилъ чужой народъ —
 Стоитъ базилика, — и радостный и первый,
 Какъ нѣкогда Адамъ, распластывая нервы,
 Играетъ мышцами крестовый легкій сводъ.

Но выдастъ себя снаружи тайный планъ!
 Здѣсь позаботилась подпружныхъ арокъ сила,
 Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
 И свода дерзкаго бездѣйствуетъ таранъ.

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лѣсъ,
 Души готической разсудочная пропасть,
 Египетская мощь и христіанства робость,
 Съ тростинкой рядомъ — дубъ и всюду царь — отвѣсъ.